

# «Остальное — интеллигентщина, гамлетизм!»

Моск. правда - 1995 - 16 марта - с. 9

Город Таллин. Местечко на побережье под названием Пирита. Валентин Гафт прогуливается по лужайке перед старинным двухэтажным особняком. Он снимается в фильме под рабочим названием «Дорогое удовольствие». Играет главу мафии, вселенски могущественного человека, скромно читающего в беседке «Новый Взгляд» и «Дружбу народов».

В этом же фильме снимается и киновед Виктор Демин. Судьба часто сталкивает его с Валентином Гафтом. Виктор на этой съёмочной площадке потому, что «уж больно заманчиво, когда ты тридцать лет пишешь про волшебство кино, испробовать, хоть иногда, всю его кухню с другой стороны».

- Вообще слово «снимаюсь» - это несколько нагло сказано. У меня, - рассказывает Виктор, - одна-единственная сцена и в ней одна-единственная фраза. У нас общие с Гафтом гримеры. Общие часы отдыха.

- Виктор, вы видели картину Карасика «Без солнца»? Что это такое? - спрашивает Гафт.

Я, как могу, объясняю, что в фильме много актерских удач. Но они странным образом не складываются в единое ощущение. Режиссерская мысль для меня осталась скрытой. Мне кажется, что если экранизировать «На дне», то исключительно как первое, прозорливое предведение людского существования в лагере, пока еще без проволоки.

Этим от работы Юлия Карасика и не пахло.

- Вы слышали мою эпиграмму на Козакова?

Он читает:

«Люблю я Мишу Козакова,  
Всегда отца, всегда вдовца.  
Начала много в нем мужского,  
Но нет мужского в нем конца».

Я говорю:

- Сурово. Михаил Михайлович не обиделся?

- Во-первых, не обиделся, а сам с удовольствием читает ее на своих вечерах. Во-вторых, представьте себе, мне в голову не приходил тот смысл, который вкладывают в мои слова. Для меня «нет конца» означало, что он мужчина на все времена. Когда мне стали растолковывать, что вроде получается иначе, поверите ли, я обомлел.

Грешный человек, я не поверил.

В повседневности Гафт едва выносим. Притом он предельно вежлив и доброже-

лателен. Но он все время дает советы. Мне - как играть мою единственную фразу, чтобы навеки умереть в ней (после чего я, желавший ограничиться житейским говорком, становлюсь напряжен и захват). Молодому оператору - куда наводит фокус. Режиссеру - как надо ставить такую картину.

Должно быть, он недавно перечел «Мастера и Маргариту». Мафиози, гений теневой экономики, почему-то обязательно рисовался ему в образе Воланда, пришедшего из далекого космоса, чтобы в скорости поспешить туда же. (Режиссер Юрий Кара еще не снял в то время свой вариант «Мастера и Маргариты», где Валентину Гафту действительно суждено было сыграть роль Воланда и который в скором времени, хочется верить, действительно появится на экранах. - Прим. авт.) Актер предлагал: «Пусть мой герой не ходит, а является. Закрыто - а он вошел. Пусть он часто и беспричинно поглядывает на небо, как бы держа с ним внутреннюю, постоянную связь». Режиссер Леонид Марягин долго и терпеливо слушает, склонив голову набок, а потом отвечает чудесной одесской фразой, которую невозможно здесь воспроизвести.

Он ярый матерщинник, Марягин. Это про таких людей Бабель написал: «Среди биндюжников он слыл грубияном».

- Вы, Леня, никогда не сделаете «Зеркала», - тушуясь, отступает Гафт.

- Надеюсь, что нет, потому что я снимаю другую картину.

Перелистнем два года. Город Ялта. Снимается фильм «Футболист». В роли главного героя Валентин Гафт. Он иг-

рает пожилого тренера, гордость и совесть всего советского спорта, и вдруг этот человек узнает, что несколько команд, в том числе и его воспитанники, поддаются и сговариваются для результатов тайного тотализатора. Главного тотализаторного мафиози, представьте себе, играл теперь я, - продолжает Виктор Демин. - Прихожу режиссера, с которым мы едва кланялись друг другу... При встрече Гафт роняет утешающе:

- Поздравляю. Ничего не надо играть. Вылитый мафиози. Будьте на экране самим собой. Как ребенок. Как собака. Как таракан. Таракан - это всего замечательнее, только сколько же надо для этого учиться! Всем надо учиться. Кроме таракана.

...Гафт учит всех и здесь. В особенности режиссера. Тот уже устал, млейший Александр Витальевич устал спорить, отмахиваться, вообще, кажется, устал от съемок, от этих декораций, от исполнителей и помощников.

- Да разве так нужно делать! - досадливо машет Гафт на мизансцену с очередным наездом. - Вот откуда надо взять, с крупного плана, и проехать сюда, на открытую дверь. Оператор меня понял, верно?

Оператор тактично молчит, ни да ни нет, но режиссер уже махнул рукой и согласился: ай, делайте как хотите!

Меня Гафт учит актерскому ремеслу.

- Твой герой - бывший боец. Они все туповатые. Ум, если и был, выбит на тренировках. Значит, найди у него две-три важных для тебя мысли. Чем он гордится: «Я брал первые места на мировых чемпионатах». Каждую секунду твоей экранной жизни это должно прокручиваться по несколько раз у тебя в башке и отражаться в глазах. Только этой заслугой он и интересен сам себе. И другая противоположная мысль, уже не от гордости, от страха: «Да, я жулик, но я беру то, что мне недодали». Все! Остальное - интеллигентщина! Гамлетизм! Не надо ничего этого... Давайте пройдемся по тексту, разомнемся.

Мы разминались по тексту...

- Ну, сейчас вы гораздо лучше, - говорил актер, бесконечно путая «ты» и «вы». - Главное теперь - собраться, как перед прыжком.

А сам он «перед прыжком» регулярно рассказывал байки... Я вспомнил, что режиссер просил держаться посвободнее, и вот при вскрике «Догнать! Вернуть!» я вскакивал с места, едва не опрокидывая камеру.

Гафт безжалостно кривлялся, не в силах скрыть своего омерзения.

- «Вернуть, вернуть!» Ты бы еще слезы подпустил, как истеричка в мелодраме. А где то, что мы наработали?

Как будто я мог ответить, где. Однажды он вызвался «вести» меня. В кадре его не было, он сидел напротив, рядом с камерой, и «работал» со мной. Получалось так:

«Было время, я всем был нужен!»

- Как-как? Не понял. Уточни.

«Я шел впереди колонны. Я нес наш флаг!»

- Ага! Вот, значит, в чем дело.

«Сам помнишь, что было, если бы в ту пору не взяли золотой медали...»

- Все помнят. Ну и что?

«А потом меня выбросили на помойку!»

- Угу.

«Ступай, куда хочешь, живи, как хочешь и на что хочешь...»

- Да-а. Невесело.

«И я беру теперь - свое».

- Понятно.

«И я буду воровать!»

- Ясенько, старичок.

Теплоту в его словах я принял за чистую монету. И распустил хвост! Каждую фразу, смакуя, повторял в варианте, тем более что режиссер стоял за импровизацией. А камера все стрекотала. А Гафт все кивал и кивал. Чтобы спокойно сказать, когда съемка закончилась:

- Чудовищно! Это тебе не за столиком в Доме журналиста болтать. Все-таки профессия актера существует не на-

прасно. Ты такого тут нагородил!

- Какого? - изумился я.

- Твой герой и слов-то таких не знает, какие ты насочинял. А уж плаксивой интонации и вовсе не знает. Он сидит, нахохлился, что-то хрипло кинул - два слова - все. Давай заново! Все наоборот!

... По вечерам те, кто уже освободился, поджидали на веранде остальных, чтобы ехать в город на общем автобусе. С высоты нашей горы далеко было видно серое беспределное море с огоньками кораблей у пирса на горизонте. Было лето, стрекотали цикады. Девушки-гримерши поднесли мне полстакана пахучего кофе.

Сзади хлопнула дверь. Рука Гафта легла мне на плечо.

- А слышал, что я сочинил про Леню Ярмольника? Очень милый юноша, да вот избрал себе какое-то невиданное амплу.

«Актёр - своих страстей невольник,

Чтоб растопить тепло сердец,

Предстал нам чайником Ярмольник,

Хоть унитаз - его венец!»

Я поперхнулся. Те, кто чаевничал в темноте за спиной, засмеялись, захлопали. Гафт оперся о перила.

- Да, море. Хорошо. Душа отдыхает от нашей бесконечной суеты. Между прочим, Леня и это мог бы изобразить.

- Что именно?

- Вечернее море. С огоньками теплоходов. С тревогой и надеждой. С набежавшей волной.

- Ну и в каком же виде?

- Не знаю, но он сможет.

Он может все.

- Вы как будто завидуете...

- Нет, не то. Профессиональное уважение...

Тут закричали со стороны, что автобус подан. Мы жили в разных гостиницах, и я постарался сесть подальше от Гафта, чтобы не нарваться на приглашение к ужину. Впрочем, в его оправдание надо заметить, что это никак не пришло ему в голову.

Е. КУРБАНОВА.